

У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ

АРТЁМ ЛУКЬЯНЕНКО

Артём Лукьяненко

У подножия горы

<https://litres.ru/73274826>

SelfPub; 2026

Аннотация

Небо разорвалось. Люди исчезли. Остались только они двое.

И новая, безжалостная Гора, чья тень — это профиль гигантского скелета.

В этом мире можно стать пустотелом на скамейке. Можно лечь, как кот, в позе вечной усталости. А можно — попытаться понять правила, по которым теперь живёт реальность.

«У подножия горы» — удивительно глубокая и тревожная история о братстве, страхе и поиске человечности в мире, который забыл, что такое человек.

Артём Лукьяненко

У подножия горы

Пролог.

Они стояли на поляне, двое мальчишек в одинаковых выцветших шортах, прилипших к коже от утренней росы. Старший, Лев, одиннадцатилетний, уже узнавший в своей короткой жизни вкус ответственности, обнял за плечо восьмилетнего Семена. Семен съёжился под этим жестом, одновременно ища в нём защиту и стыдясь своей потребности в ней. Их спины, тонкие, ещё не тронутые взрослой тяжестью, были обращены к исчезнувшему миру — к дому с тёплыми пирогами, к маминой песне перед сном, к отцовским рассказам о созвездиях.

Они смотрели вперёд. Туда, где ещё вчера был просто лес, упирающийся в обычное, слегка блеклое, сентябрьское небо. Теперь неба не было.

Над верхушками сосен его разорвали, будто ветхий холст, рвущийся под напором гнилого каркаса. Через дыру хлестал свет, которого не должно было существовать — слепящий, но не дарующий тепла, пронзительный, но не несущий ясности. А в центре этого разрыва, в самом эпицентре конца их мира, был Он.

Скелет. Но не тихий, музейный, сложенный в аккуратный ряд. Он был чудовищно огромен, заполняя собой пространство между землёй и тем, что было за небом. Кости его отливали влажным, нефтяным блеском, а в пустых глазницах

плясали живые огни — две точки осознанного, ненасытного голода. Они светились не извне, а изнутри, как угли в пепле давно сгоревшей души.

И рука — костлявая, с пальцами длиннее вековых сосен — уже тянулась к поляне. К ним. Каждое движение её было противоестественно медленным и неизбежным, как оседание горы. Воздух гудел низкой, выворачивающей нутро нотой, от которой звенели зубы и закипала кровь в жилах. Трава под её незримым давлением ложилась мёртвым веером, цветы чернели и рассыпались в пыль.

— Не смотри, Сёма, — прошептал Лев, но его рука на плече брата не дрогнула. Сам он не мог оторвать глаз. В этом апокалипсисе была гипнотическая, вселенская правда. Это была не просто смерть. Это было оголение каркаса реальности. Той самой, в которой бывают завтраки, школы, ссоры из-за игрушек и мечты о будущем. Каркас обнажился, и он оказался костлявым и бесконечно одиноким.

Семён, однако, не закрыл глаза. Он смотрел, широко распахнув свои, ещё детские, наивные глаза. И в них, помимо ужаса, проступало нечто иное — узнавание. Как будто он всегда, на самом дне своих снов, знал, что мир — это лишь тонкая бумага, а за ней скрывается вот эта вечная, голодная пустота на костяном троне.

— Это конец? — тихо спросил Семён, и голос его не дрогнул, а стал каким-то прозрачным, хрустальным.

Лев не ответил. Что он мог сказать? Что они убегут? Бе-

жать было некуда. Позади — лишь воспоминания, которые уже рассыпались, как пепел. Их прошлое было отрезано тем, что они видели. Оно перестало быть реальным, превратилось в миф, в сказку, которую они вдвоём больше никогда никому не расскажут.

Но глядя на брата, чувствуя под ладонью его хрупкое, тёплое, живое плечо, Лев понял одну простую вещь. Пока они вместе, пока одно его сердце бьётся в унисон с другим, этот костяной великан не победил. Он может разорвать небо. Может протянуть руку и стереть их в порошок. Он может быть самой Смертью.

Но он не властен над этим мгновением. Над этой поляной. Над тем, что старший обнял младшего, готовый принять удар на себя, а младший, дрожа, прижался к нему, делясь своим страхом и своей немыслимой, детской отвагой.

Это был конец. Конец невинности. Конец детства. Конец мира, который они знали.

Но для чего-то — только начало.

Начало их истинной истории. Истории двоих против пустоты. Истории, где не будет мамы, чтобы утешить, и папы, чтобы спасти. Где единственной реальностью станут они сами, их доверие и их общий, на двоих, страх. И, возможно, их общая, на двоих, сила. Та, что рождается не в светлые дни, а в минуты, когда само мироздание рвётся клочьями над головой.

Костлявые пальцы были уже так близко, что мальчики

чувствовали ледяное дуновение небытия на своих спинах. Лев крепче сжал плечо брата.

— Всё только начинается, — сказал он, и это была не ложь, а новый обет. Обет, данный в лицо самому Апокалипсису.

И они стояли. Два малыша на зелёной поляне. Перед разорванным небом. В ожидании своей новой, страшной и единственной судьбы.

Конец начала. И начало всего, что будет после.

Глава 1. Пыль на языке

Боль была не острой. Она была тотальной, как раствор, в котором ты родился. Она была вкусом ржавого гвоздя на языке, давлением на все клетки кожи сразу, звоном, вытеснившим все мысли из головы.

И потом — тишина.

Не акустическая. Та была мертва и оглушительна. Эта тишина была внутренней. Как будто наконец перестало биться сердце мира, и все его механизмы разом застыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.